

На правах рукописи

НАГОРНАЯ Елена Николаевна

**ЗООМЕТАФОРА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И В ДИСКУРСЕ
ЧЕХОВСКОЙ ПРОЗЫ**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Голубева Ирина Валериевна.

Официальные оппоненты: *Балашова Любовь Викторовна*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики);

Ходус Вячеслав Петрович, доктор филологических наук (ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Гуманитарный институт, профессор кафедры и заведующий кафедрой русского языка).

Ведущая организация – ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Защита состоится 19 ноября 2014 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpi.org> 12 сентября 2014 г.

Автореферат разослан 8 октября 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Е.В. Брысина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одним из основных способов пополнения аксиологического запаса лексики является метафора. Она отражает стремление человека к более точным, тонким и нетривиальным оценкам предметов окружающего мира.

Лингвистическая наука XXI в. оценила огромный прагматический потенциал метафоры, показала механизмы ее моделирования, национально-когнитивные особенности формирования (С.В. Агаев, 2002; Г.С. Баранов, 2005; А.В. Голованова, 2000; А.О. Кубасова, 2008; Дж. Лакофф, М. Джонсон, 2004; Л.Г. Рамазанова, 2009; Г.Н. Складаревская, 2002; А.П. Чудинов, 2000; Н.В. Солнцева, 2004; Э.Р. Хамитова, 2008).

Зоонимы как эмоционально-оценочные слова передают национально-культурные особенности носителей языка, дают образную информацию о человеке, выявляют динамику развития национальной языковой картины мира, определяя место в ней позитивной или негативной зоометафоры и ее приоритетных зон.

В диссертационной работе анализируются анималистические имена с переносным значением антропонимического характера, широко представленные в прозе А.П. Чехова. Данное исследование появилось из убеждения в том, что реформаторский гений А.П. Чехова оригинально проявится во фрагменте языка, выражающем оценочную антропонимику, мотивированную зоонимами, что в дискурсе писателя многие зоонимы подвергаются переосмыслению, мотивированному потенциальными возможностями лексико-анималистической системы – ее деривационными, парадигматическими и синтагматическими отношениями.

Объектом исследования являются мотивированные анималистическими именами зооморфные метафорические номинации, характеризующие человека в русском языке. **Предметом** исследования служат переносные антропонимические значения зоонимов в прозе А.П. Чехова.

Теоретическую базу проведенного диссертационного исследования составили основополагающие идеи отечественных и зарубежных ученых: исследования метафоры в лингвистике и литературе (Ю.Л. Лясота, А.И. Смирницкий, В.А. Звегинцев, С.В. Агаев, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Е.В. Дерюгина, Э.В. Будаев и др.); исследования сущности метафоры (Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, В.П. Москвин, К.К. Жоль, Г.Н. Складаревская, А.А. Ричардс, В.Г. Гак и др.); концептуальная значимость метафоры и зоометафоры в тексте (Л.Г. Рамазанова, О.И. Глазунова, Ф.А. Литвин, Е.А. Гутман, М.И. Черемисина, Э.Р. Хамитова и др.); области употребления метафоры (А.П. Чудинов, Г.С. Баранов и др.); семантический анализ лексики (Д.Н. Шмелев); семантика оценки (Е.М. Вольф, В.Н. Телия, М.В. Никитин и др.); исследования активности зоонимов в процессе формирования фразеологических единиц (В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, В.В. Виноградов и др.).

Цель исследования – изучить наиболее активную зону анималистической лексики, для которой характерен особый динамизм развития как в системе языка, так и в дискурсе чеховской прозы.

Поставленная цель достигается с помощью решения следующих **задач**:

1) проанализировать и обобщить исторический опыт изучения метафоры и зоометафоры, выделить отмеченные в науке подходы к изучению процесса метафоризации в целом и зоометафоры как ее активной части, определив его особенности, наиболее актуальные для решения поставленных в данной работе задач;

2) исследовать системные связи анималистической метафоры, показав механизм ее порождения, основанный на признаках денотата и деривационных связях прямой номинации;

3) рассмотреть все виды парадигматических отношений зоометафоры, показать влияние синтагматических связей на семантику и коннотацию зоометафоры;

4) выделить доминирующие зоометафоры в прозе А.П. Чехова, определив их место в системе языковой зоометафоры;

5) определить назначение анималистических метафорических обращений в прозе А.П. Чехова, обозначив индивидуальный компонент в семантике;

6) показать вокативную функцию зоометафоры и проанализировать языковые возможности использования приоритетных чеховских обращений в современном речевом этикете.

Источником исследования является многожанровая проза А.П. Чехова, опубликованная в «Полном собрании сочинений и писем писателя» в 30 томах (М.: Наука, 1974–1982).

Материалы исследования получены методом сплошной выборки из прозы А.П. Чехова, иногда извлечены из других литературных источников при необходимости сопоставительного анализа рассматриваемых единиц в различных идиостилиях.

Методологическую базу исследования составили положения диалектики о единстве формы и содержания, единстве и борьбе противоположностей, всеобщей связи явлений, о переходе количественных изменений в качественные. Все они определяют главные движущие силы развития лексического состава языка, в том числе его эстетического потенциала, который активно реализуется в тематической группе оценочной антропонимической лексики, мотивированной зоонимами.

Цели и задачи изучения языкового материала обусловили выбор следующих **методов** исследования: 1) метода компонентного анализа, ставящего целью разложение значения на минимальные семантические составляющие (семы, дифференциальные признаки, минимальные семантические признаки); 2) метода дистрибутивного анализа, предполагающего классификацию языковых единиц и изучение их свойств на основе распределения (дистрибуции) в потоке речи – контексте единицы; 3) метода трансформационного анализа, применяемого для установления наличия многозначности исследуемых языковых единиц; 4) сопоставительного метода,

выявляющего общность семасиологических явлений и процессов в появлении переносных значений; 5) метода системного анализа текста в аспекте понятийно-эстетической значимости в нем зоометафоры.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые описывается зоометафора в прозе А.П. Чехова в системе деривационных, парадигматических и синтагматических отношений с выявлением ее авторской части, не закодированной в словарях и представляющей несомненную ценность для пользователей русского языка.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в разработку проблем метафоризации как основного свойства лексики, причем наиболее подвижной ее части – анималистических имен. Рассмотрение зоометафоры в границах художественного дискурса позволяет выявить семантический потенциал зоонимов, увидеть перспективы их семантического развития, в том числе и возможность включения некоторых из них в формулы русского речевого этикета.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее выводы могут быть использованы в системном описании любой тематической группы, а также в процессе лингвостилистического анализа текста. Содержание работы в той или иной мере может быть полезно на факультативных занятиях по лексике, текстологии и культуре речи в вузе и школе, использовано при написании выпускных квалификационных и курсовых работ.

В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие **положения**:

1. Русская зоометафора, отражая национальную самобытность, является фрагментом языковой картины мира.

2. Зоометафора – один из важных путей пополнения лексики, средство расширения ее коннотативной части, в частности антропонимической аксиологии. Анималистическая метафора – это динамичная часть лексической системы, поскольку поводом для ее формирования является значимая для человека денотативная зона, связанная с наименованиями животных.

3. Особая активность развития метафорических переносов анималистической лексики свойственна прозе А.П. Чехова, использующего в стилистических целях весь семантический потенциал зоонимов, закодированный и не закодированный в словарях.

4. Чеховские метафорические окказионализмы имеют вполне мотивированную семантико-деривационную базу, опираются на системные отношения анималистической лексики, расширяя и углубляя представление о денотативных, сигнификативных и коннотативных особенностях производящих имен.

5. В современных социальных условиях функционирования языка зоометафора является реальной перспективной базой в становлении вокативной части русского речевого этикета, предпосылки чего созданы в дискурсе многожанровой прозы А.П. Чехова. Его вокативы имеют языковые основания для заполнения этикетных речевых лакун, детерминированных

особенностями социального фона развития лексического состава на данном синхронном срезе.

Апробация результатов исследования проводилась в виде докладов на научно-практических конференциях, в том числе международных: Пятьдесят первая научная студенческая конференция (Таганрог, 2008); I–II Международная молодежная конференция «Чеховские чтения на родине писателя» (Таганрог, 2010); VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современной науки» (Москва, 2010); III Международная научная конференция «Молодежные чеховские чтения в Таганроге» (Таганрог, 2011); Международная научная конференция «Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова» (Таганрог, 2012); IV Международная научная конференция «Молодежные чеховские чтения в Таганроге» (Таганрог, 2013); V Международная научная конференция «Молодежные чеховские чтения в Таганроге» (Таганрог, 2013); III Международная научно-практическая конференция «В орбите А.П. Чехова: духовно-нравственный аспект» (Таганрог, 2013); Всероссийская молодежная конференция «Языковая личность. Речевые жанры. Текст» (Таганрог, 2014).

Основные идеи апробированы на заседаниях кафедр общего языкознания и русского языка, культуры и коррекции речи, на ежегодных научно-практических конференциях преподавателей Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова.

Основные положения диссертации изложены в 18 публикациях, включая 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и монографию. Общий объем опубликованных работ составляет 14,7 п.л.

Структура работы. Диссертация включает введение, три главы, заключение, библиографический список и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется тема работы, очерчивается общая проблематика, обосновываются ее актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель и задачи, описываются материал и методы исследования, отмечается апробация, выдвигаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические основы исследования зоометафоры», состоящая из 4 параграфов, содержит краткий обзор работ, посвященных исследованию метафоры. Выделяются аспекты изучения зоометафоры, онтологический и гносеологический, выявляются ее семантико-деривационные связи. Приводятся классификации метафоры, имеющие различные основания. Определяются основные термины работы.

В первом параграфе «*Онтологическая сущность метафоры*» дан краткий обзор исследования метафоры с точки зрения выражения определенных понятий, индивидуализирующих человека. Многообразие отношений зоонима с антропонимом, детерминированное особенностями как производящих, так и производных семем, является стимулом развития метафорической системы и, соответственно, науки о ней.

Период античности в изучении метафоры ознаменован такими именами, как Аристотель, Квинтилиан, Цицерон и Теофраст. Она рассматривается с точки зрения механизма и причин формирования, роли в пополнении словарного запаса языка, выполнения ею прагматической и эстетической функций.

В конце XIX – начале XX в. усиливается интерес к связи языка и мышления, к соотношению эмоциональной и мыслительной сторон языка. Делается вывод о том, что когнитивные процессы связаны с коннотативными, что метафора не только троп, но и возможность акцентировать какой-то аспект в названии явления посредством уподобления его другому явлению.

Сущность метафоры исследуют Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, К.К. Жоль, О.И. Глазунова, Г.Н. Скляревская, Л.А. Брусенская и другие ученые.

А.А. Ричардс считает метафору «вездесущим принципом языка» (Ричардс, 1990). Развивая его идеи, М. Блэк создает модель метафоры как результат взаимодействия, интеракции, но не мыслей, а объектов. Ученый выделяет главный признак метафоры – «способность *создавать*, а не выражать сходство» (Блэк, 1990).

Компаративистская теория определяет метафору как «свернутое», или «сокращенное», сравнение (в статике) (Дэвидсон, Миллер).

Активное исследование метафоры способствует разработке ее классификаций, имеющих разные основания. В.П. Москвин рассматривает метафору по характеру мотивирующей ее семантической зоны: антропоморфная / антропоцентрическая, анималистическая / зооморфная, машинная, флористическая, пространственная (Москвин, 1997).

Активность-пассивность употребления метафоры лежит в основе деления ее на языковую и художественную (Телия, 1977; Скляревская, 1993). В лексикологии широко представлена типология метафоры в соответствии с ее функциями. В.П. Москвин выделяет номинативную/ идентифицирующую/ классифицирующую/ нериторическую, когнитивную и образную метафоры (Москвин, 1997). М.В. Никитин в границах когнитивной метафоры противопоставляет онтологическую и синестезическую (Никитин, 1996).

Следует согласиться с тем, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» (Лакофф, Джонсон, 2004). Убедительные и неоспоримые аргументы имеет когнитивная теория, которая рассматривает метафоричность не только слова, но и мысли (Баранов, 2004; Будаев, 2007).

Во втором параграфе «*Основные направления и подходы в исследовании зоометафоры*» очерчивается круг явлений, которые определяются термином «зооним», отмечается терминологическое многообразие, называющее данную группу слов: «анимализмы», «зоонимы-метафоры», «зоометафоры», «зоолексемы», «зооморфизмы», «зооморфные метафоры», «зоосемизмы» (Голованова, 2000; Гура, 1997; Журавлев, 1994; Ильясов, 1981; Рыжкина, 1980; Свешникова, 1995; Огдонова, 2000; Першаева, 1982; Кацитадзе, 1985). Обращается внимание на полисемию термина «зооним»: «его первичное

значение связано с наименованием животных, а вторичное – образное, метафорическое – обладает ярко выраженным коннотативным потенциалом и употребляется в качестве экспрессивной оценки» (Устуньер, 2004).

В части работ по терминологии утверждается нецелесообразность употребления терминов «зооним» и «зоометафора» в качестве синонимов (Располюхина, 1984). Согласно другому мнению, зооним понимается как общая словарная единица, которая может принимать облик зоосемизма (наименование животных, млекопитающих, птиц, рыб и т.д.) и зооморфизма, зоометафоры (переносный, метафорический вариант, проецируемый на человека) (Литвин, 1974). В работе поддерживается второе мнение, подтверждающее право термином «зооним» называть метафорический антропоним.

Предметом многих исследований является коннотация как потенциальная, связанная с «зоолексемой» (Телия, 1981), так и зооморфная (Огдонова, 2000). Семантика оценки, в том числе и выражаемой анималистической лексикой, активно изучается Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, М.В. Никитиным и другими учеными. Аксиология рассматривается в тесной связи с синтаксисом и прагматикой, устанавливается зависимость ее от социальных условий и норм, принятых в данном обществе (Арутюнова, 1988; Жельвис, 1988, 1999).

Сделан вывод о высокой частотности отрицательной оценки, выражаемой зоометафорой (Вольф, 1985), что свидетельствует о динамизме метафорической системы. Зыбкость оценочного значения зоометафоры дает ей возможность балансировать между негативной и позитивной коннотацией.

В работах ученых отмечается значимость зоометафоры для политического дискурса не только русского, но и английского, немецкого, литовского, испанского, французского и других языков (Баранов, 1991; Кравцова, 2009; Пасечник, 2007; Астанкова, 2013; Новикова, 2009; Россинене, 1978; Писанова, 1989; Агафонова, 2011; Гукетлова, 2008, 2009).

Затрагиваются вопросы синтаксического функционирования зоонимов, например, в позиции метафорического обращения (Липанова, 1981).

В зоне внимания лингвистов находятся и синтагматические свойства зоонимов. Рассматривается их активность в процессе формирования фразеологических единиц русского и других языков (Архангельский, 1964; Ахманова, 1957; Виноградов, 1977; Телия, 1996; Солодуб, 1997; Добровольский, 1997; Соколова, 1984; Антонова, 2010).

Лексико-семантическая группа зооморфизмов постоянно пополняется новыми обозначениями и представляет собой открытую структуру, так как процесс языкового творчества людей, связанный с постижением человеческой сути через жизнь животных, остановить невозможно. У зоометафоры есть и когнитивные рычаги развития, которые связаны с гносеологической потребностью человеческого мышления проникать в глубинную семантику слов, обусловленную системными связями в лексике. Динамизм анималистической метафоры детерминирован и эстетической

задачей обновления и усиления выразительности антропонимической аксиологии.

В третьем параграфе «*Возможности сравнительно-сопоставительного анализа в исследовании зоометафоры*» рассматриваются сопоставительные исследования, обнаруживающие универсальные и национальные особенности переноса. Активно сопоставляются процессы метафоризации в русском, английском, немецком, французском и китайском языках (Лясота, 1954; 1984; Завалишина, 1998; Новикова, 2009; Гукетлова, 2009; Куликова, 2013; Чэнь Сяо Хуэй, 2010, 2011).

В сопоставительной лингвистике есть опыт анализа смысловой структуры зооморфизмов в русском, английском и казахском языках (Войтик, 1974). Отмечены зоны совпадения и несоответствия между вторичными значениями зоонимов разных языков (Гудавичюс, 1985; Неделяева, 1976; Огдонова, 2000; Устуньер, 2004; Солнцева, 2004).

В четвертом параграфе «*Семантическая структура зоометафоры и ее аксиологический потенциал*» рассматриваются особенности денотативного, сигнификативного и коннотативного элементов значения зоонима, семантическая структура которого способствует продуктивности процесса его метафоризации (Кубасова, 2008). Большинство ученых определяют коннотацию как дополнительный семантический элемент значения, характеризующий слово в речи (Шмелев, 1973; Гак, 1977; Азнаурова, 1977; Арнольд, 1999; Ахманова, 1966; Колшанский, 1975; Телия, 1986). Не включают коннотацию в понятие лексического значения И.Р. Гальперин, Ю.Д. Апресян (Гальперин, 1981; Апресян, 1988).

Указанные исследования позволяют сделать вывод о том, что представление о животном в сознании человека создается множеством закодированных и не закодированных анималистических признаков, что создает условия для дальнейшей активизации процесса метафоризации.

Одной из основных теоретических установок работы является положение о полноте реализации метафорического значения в системе деривационных, парадигматических и синтагматических отношений (Д.Н. Шмелев).

Во **второй главе «Зоометафора в лексической системе языка»** зоонимы рассматриваются в системе деривационных, парадигматических и синтагматических отношений, которые являются базой, в том числе и резервной, для формирования оценочной антропонимической аксиологии.

В первом параграфе «*Семантико-деривационные отношения зоонимов*» определяется характер семантико-словообразовательных отношений зоонимов. Выясняется, что им свойственна неоднозначность отражения в словарной таксономии, детерминированная многообразными признаками денотата – экстерьер, повадки, гастрономические пристрастия, отношение к человеку и т.п. Варьирование толкования зоонима в словарях создает условия для появления новых метафорических значений.

Оценочные лексемы, мотивированные анималистическими именами, можно разделить на семь типов по характеру семантико-деривационных

отношений: 1) по внешнему сходству, 2) по внутреннему сходству, 3) по переносу внешних признаков на внутренние свойства и наоборот, 4) на основе эмоциональных ассоциаций, 5) по смежности, 6) по синкретизму путей переноса, 7) по функции компаратива.

Метафорические семемы зоонима проявляют различную активность, что показывает степень частотности их употребления вплоть до нерегулярности или исключительно авторского употребления одного из них. Для понимания механизма развития переносных значений зоонима в работе дается справка не только из толковых, но и из этимологических словарей. Многообразие семантико-деривационных отношений демонстрируют таблицы, в которых сопоставлены прямые номинативные и метафорические значения шести зоонимов (*акула, бабочка, баклан, баран, бык, волк*). Приведем одну из таблиц:

<p>Акула [Словарь современного русского языка в 17 томах, т. 1, с. 86]. Крупная хищная морская рыба, отличающаяся своей прожорливостью.</p>	<p>Акула [Краткий этимологический словарь русского языка, 1971, с. 15]. Заимствовано в XVIII в. из норв. или исл. яз. Первоначально исл., норв. Нассал было переоформлено в <i>аккула</i> (а затем <i>акула</i>), вероятно, под влиянием слова <i>рыба</i>.</p>	<p>Акула [Словарь русских народных говоров, вып. 1, с. 227]. О хвастливом человеке.</p>	<p>Акула [Солганик, 2004, с. 18]. Крупный делец, капиталист, хищнически пользующийся чужим трудом, эксплуататор. Акула [Мокиенко, Никитина, 2000, с. 33]. (Угол.) Лицо, осужденное на длительный срок лишения свободы с конфискацией имущества. Акула [Квеселевич, 2003, с. 10]. (Жарг.) Лицо, осужденное к длительному сроку лишения свободы. Акула [Грачев, 2003, с. 29–30]. I.1. Расхититель. 2. Взяточник. 3. Человек, осужденный на длительный срок лишения свободы с конфискацией имущества. II. Следователь по особо важным делам. <i>Акула морская</i> – портовый стражник. Акула [Словарь современного русского литературного языка в 20 томах, т. 1, с. 127]. О том, кто наживается на эксплуатации и ограблении кого-, чего-л. (обычно в публицистической речи). «Мысль обойтись в продаже хлеба без возмутительного посредничества местных акул не давала мне покоя» (Гарин. Несколько лет в деревне). «Крупная игра была не всем под силу, ее вели мировые акулы, им подыгрывали столь же алчные, но менее сильные хищники» (Лебедеенко. Лицом к лицу). Акула [Словарь современного русского языка в 17 томах, т. 1, с. 86]. О всякого рода эксплуататорах, хищнически пользующихся чужим трудом и имуществом; особенно о крупных дельцах капитализма. <i>Есть, глотать как акула</i> – есть с жадностью.</p>
--	--	--	---

Как видно, по внутреннему сходству словари фиксируют переносные значения, связанные с прожорливостью хищника, которая ассоциирует с социальными качествами человека: 1) крупный делец, капиталист, хищнически пользующийся чужим трудом, эксплуататор; 2) расхититель; 3) взяточник. На основании эмоциональных ассоциаций (возможно, наличия огромной пасти у рыбы) сформировался оценочный антропоним *хвастун*. Лексема имеет значения, зафиксированные в словарях ненормативной лексики русского языка: 1. *Лицо, осужденное на длительный срок лишения свободы с конфискацией имущества*. Эта семема относится к тюремному аргю, наследуя от зоонима сему хищности. 2. *Следователь по особо важным делам*. Здесь производное значение реализует, возможно, размеры тела акулы, в силу чего она ассоциирует со следователем по большим, громким делам. Процесс метафоризации, видимо, поддерживается и внутренним свойством животного – его особым чутьем хищника в охоте за пропитанием. В словосочетании *акула морская* – портовый стражник – перенос осуществлен по признаку смежности места обитания животного и службы человека. Не исключено, что на формирование несвободного значения повлияло и агрессивное поведение хищной рыбы, которым в определенной мере должен обладать портовый стражник. Основу переноса, таким образом, составляет совмещение метафоры и метонимии.

Анализ ограниченного ряда зоонимов, взятых в алфавитном порядке с учетом активности их переносных антропонимических значений в современном русском языке, показал, что степень обусловленности метафорических значений системными связями в лексике определяет их жизнеспособность и перспективы получить словарную кодификацию.

Во втором параграфе «*Множественность мотивации в формировании зоометафоры*» рассматривается континуальность порождения переносных значений, которая начинается с функционирования зоонима в компаративных конструкциях. Предполагается, что в данные отношения вступает не вся анималистическая лексема, а ее определенные семы, актуализированные в тексте. Регулярность употребления сравнительных конструкций с наименованием животного дает импульс для появления у него метафорического значения, которое реализуется в функции предиката, обращения, приложения. Парадигма зоометафор активно пополняется мастерами слова, роль которых в развитии этого запаса слов обусловлена двумя тенденциями. Одна из них заключается в том, что автор дает литературную жизнь значениям, возникшим в разговорной речи. Другая связана с авторскими новообразованиями, значения которых однозначно воспринимаются благодаря контексту и мотивации их свойствами денотата того или иного имени.

Первую тенденцию хорошо иллюстрируют метафорические дериваты слова *медведь* (едящий мед, медоед), мотивированные внешним сходством хищника с *человеком-увальнем*. А поскольку неуклюжему человеку непросто соблюдать правила этикета, развивались и значения *невежа*, *невежда*. У имени остался большой резерв денотативных признаков. Большое округлое

тело животного, ленивость движений, долгое пребывание в состоянии зимней спячки создают ассоциацию с дремлющим русским богатырем, способным, проснувшись, защитить весь мир, что стало поводом для развития в метафоре *медведь* семы «добродушие». Это одна из иллюзий, связанных с хищным зверем, но выбор символа Московской олимпиады оказался абсолютно точным. И хотя ассоциации с милым, добродушным, потешным медвежонком для русского человека гораздо более многообразны, чем для представителей иных менталитетов, он растрогал гостей всех национальностей спортивного праздника.

Вторая тенденция имеет отношение к авторскому словотворчеству. Она может быть иллюстрирована употреблением зоонима *бегемот* в одном из писем А.П. Чехова:

Ушел ли Давыдов из Александринского театра? Экий капризный бегемот (А.С. Суворину, 1 марта, 1897).

Закодированные метафорические дериваты зоонима характеризуют бесцеремонного, дерзкого, громоздкого, толстого, неуклюжего человека, разжиревшего лентяя. Писатель умело совмещает словарную кодификацию и ресурсное значение имени, в частности некую его экзотичность, и называет им неплохого, но капризного и не очень подвижного в плане творческих исканий человека. Писательская метафора не стала общепринятой, языковой, но она наглядно демонстрирует семантические резервы анималистического имени.

К числу особенностей процесса метафоризации зоонимов следует отнести синестезию, вызванную особенностями анималистической лексики, которая, как никакая другая, воспринимается всеми органами чувств, рождает множество коннотаций, вызванных звуком, запахом, цветом, т.е. всем тем, что свойственно денотату и что может быть реализовано в метафоре. Название птицы *канарейка*, например, имеет в составе несколько различных оценочных сем, следствием чего является вариативность словарных толкований. Ни один из толковых словарей не кодирует переносных значений зоонима. Однако каждому носителю русского языка известны метафоры, в основе которых лежат различные признаки, входящие в понятие «канарейка». О негативном восприятии птички А.П. Чеховым говорит выражение, которое трансформируется в антропонимическую оценку пошлости, мещанства, безнравственности: *Лучше развратная канарейка, чем благочестивый волк* (Не тлетворные мысли).

Во взгляде писателя на птичку проявляется и момент жалости к ней, который лежит в основе другой метафоры, реализующей сему неволи, инспирированную человеком, посадившим пеструю, яркую птичку в качестве живого украшения в клетку:

Дядин. <...> Положено канареечке в клетке сидеть и на чужое счастье поглядывать, ну, и сиди весь век. Елена Андреевна. А может быть, я не канарейка, а вольный воробей! (Леший).

Континуальность метафоризации зоонима отражена непосредственно в границах приведенного текста. В первой реплике диалогического единства

прямая оценка именем предваряется сравнением между *канареечкой в клетке* и подневольным положением женщины, что мотивирует процесс метафоризации слова во второй реплике, где название птицы функционирует как отрицательно-оценочный предикат, противопоставленный другому анималистическому предикату, символизирующему волю.

Множество ассоциаций со словом *канарейка* создает многообразную понятийную базу для формирования метафорических значений, настолько коннотативно широкую, что переносные семемы могут вступать в антонимические отношения. У А.П. Чехова находим уменьшительно-ласкательный дериват зоометафоры *канарейка*, употребленный в функции фамильярно-любовного обращения к женщине:

Орловский (обнимая и целуя Соню). Дуся, канареечка моя... Дочка моя крестненькая... (Леший).

Значение чеховских антропонимов подвижно и окончательно толкуется только в контексте:

В гостиную входит старичок из породы гоголевских мышинных жеребчиков. Увидев спящую девушку, он ухмыляется и подходит к ней на цыпочках. <...> – Как я несчастна! – шепчет она, засыпая. – Вечно мне снятся то козлы, то негодяи! (Козел или негодяй?).

Козел – это не по возрасту похотливый пожилой мужчина, вызывающий неприязнь со стороны оценивающего его лица. Метафора семантически мотивирована закодированными в словаре негативными связанными значениями, включающими оценочные семы, такие, в частности, как бесполезность – *как от козла молока* – и умение воспользоваться моментом для извлечения собственной выгоды – *пустить козла в огород*.

В третьем параграфе «*Парадигматические отношения зоонимов*» описываются особенности ассоциативных отношений зоометафоры – как внутрисистемных, так и в границах всей тематической группы оценочных антропонимов.

Для анималистических имен общего характера и конкретных имен животных характерны гиперо-гипонимические парадигмы, которые не наследуются оценочными дериватами, вступающими в иные семантические отношения – синонимические. Ср.: *Скотина* *дохла* <...> *Издохла* и у меня *лошадь* (Печенег) и – *Скотина* я, *скотина* – *проворчал он*. – *Протестуй ты, осел, ежели хочешь, но не смей не уважать старших!* (Либерал).

Для зоометафоры характерна синонимия с другими группами оценочной лексики. Синонимы в таких случаях уточняют значение каждого слова ряда:

– *Ты муж, а слово «муж» в переводе на дамский язык значит тряпка, идиот и бессловесное животное, на котором можно ездить и возить клади, сколько угодно, не боясь вмешательства общества покровительства животных* (Один из многих).

Как разновидность синонимии отмечаются парадигмы, включающие анималистические эвфемизмы:

*Нечистый дух в полной своей парадной форме (общечертовская форма: рога, хвост, огненные лампасы и таковая же подкладка) ходит по улицам и старательно обходит городских. **Рогатая скотина** ехидно подмигивает и, видимо, чувствует себя на седьмом небе (Осколки московской жизни, 1884, 23, 26 мая).*

Вероятно, выделенное словосочетание подслушано писателем у народа, оно удачно заменяет табуированное в русском лексиконе слово.

Парадигмы названий животных и их метафорических дериватов обычно противопоставлены по характеру коннотации. Это выглядит особенно наглядно при употреблении зоонимов с прямым и переносным значением в границах одного сложного синтаксического целого:

***Лошадей** у талантов не бывает; хочешь не хочешь, иди пешком... <...> У входа в меблированные комнаты дремлет швейцар; эта **грубая скотина** отворяет дверь и не глядит...* (Открытие).

Имя животного в тексте употреблено с положительной коннотацией. Метафора же, выраженная родовым по отношению к лошади именем *скотина*, выражает исключительно отрицательные чувства.

Система зоометафоры, в отличие от мотивирующей ее анималистической лексики, способна иметь антонимические парадигмы, создающие антитезу, которая подчеркивает ситуативно-сложные отношения говорящего лица с собеседником:

– Ну, ну, **голубчик**... – сказал художник и поцеловал его в шею. – Не капризничай... Гри-Гри, будь товарищем! Вместе пришли, вместе и уйдем. Какой ты **скот**, право. – Я могу подождать вас на улице. Ей-богу, мне здесь **противно!** (Припадок).

Чеховские зоонимы способны приобретать противоположную закодированной коннотацию. В письмах к О.Л. Книппер *лошадь* и *собака* получили сложную экспрессию: шутивную, иронично-укоризненную, но все же любовную, замещающую привычные в таком контексте субстантивы *родная, милая, дорогая* и т.п. Эти чеховские вокативы являются близкими, взаимозаменяемыми синонимами:

*Ну, крепко обнимаю мою **лошадь** и целую* (О.Л. Книппер-Чеховой, 3 ноября, 1903).

*Что же ты, **собака**, не скучаешь по мне? Ведь это свинство* (О.Л. Книппер-Чеховой, 18 марта, 1904).

Анималистическая лексика с метафорическим значением является открытой динамичной системой, в которой складываются принципиально иные, чем в системе производящих имен, парадигматические отношения: актуализируются типичные для любой качественно-оценочной группы слов синонимические, антонимические отношения, получают активное развитие эвфемизмы, энантиосемия.

В четвертом параграфе «Синтагматические отношения зоометафоры» анализируются синтагматические условия употребления зоометафоры. В частности, указывается на то, что она обычно имеет синтаксически связанное значение, обусловленное ее изобразительно-характеризующей

функцией, которая реализуется компонентами предложения, способными эксплицировать оценку лица. Это, прежде всего, предикат и полупредикативные члены предложения, представленные обособлениями с оценочным субстантивом в роли главного слова:

*Крыса не может родить лебедя. От той женщины, родившейся от известного рода людей, нельзя ожидать ангельских поступков. Ее деды и отцы **волки** (1); может ли же она, вопреки законам природы, родиться ягненком? И она **волк** (2)! **Волк** (3) от головы до пяток! Будучи же **волком** (4), она не могла иначе поступить... Что же ты еще хочешь? А **волков** (5) учить кушать сено – не наше дело... <...> Сердиться **на волков** (6) за то, что им природа дала острые зубы, могут только такие малознайки, как ты (Ненужная победа).*

В границах развернутой метафоры зоометафора *волк* выполняет функцию предиката (1), (2), (3). Дуплексив (4) характеризует подлежащее (определение) и одновременно содержит логическое обоснование предиката (обстоятельство), осуществляя таким способом связь с предикативным отношением и становясь полупредикативным. Зоонимы (5) и (6) функционируют в афористичных обобщенных предложениях. *Волк* в них актуализирует диффузное значение (*зверь* и *человек*), поддержанное зоометафорой предтекста.

В функции приложения, относящегося к подлежащему, зоометафора также устанавливает семантические отношения со сказуемым и через предикативное отношение с действительностью:

*Иванов. Ну, вот еще, Шурочка! Недостает, чтоб я, старый, мокрый **петух**, затянул новый роман! Храни меня бог от такого несчастья!* (Иванов).

Зооним *петух* характеризует лицо «я» и актуализирует в контексте предложения дополнительное обстоятельственное значение логического обоснования по отношению к предикату.

Менее очевиден вопрос о полупредикативности обращения, которое, как известно, занимает позицию вне конструктивного состава предложения. Однако с точки зрения актуального членения, оно называет тему дальнейшего высказывания, в определенном смысле редуплицируя местоименное или восстанавливаемое по форме сказуемого подлежащее и таким способом устанавливая связь с предикативным отношением и соответственно с действительностью. На этом основании обращение следует признать своеобразной полупредикативной единицей:

– *Молчи, старый **волк**! Лютый вы народ! Ироды! Душепродавцы!* (На большой дороге).

Зоометафора может занимать синтаксическую позицию именительного темы и представления:

*«Подлец! Мерзавец! – думала она. – **Животное**! Он смеет... смеет! Не может понять моего ужасного, обидного положения! Ну, подожди же... чёрт!»* (Мечь женщины).

В иносказательном, шутовском тексте зоометафора может выполнять функции подлежащего и дополнения, если собеседнику понятно, кого говорящее лицо называет анималистическим именем:

*Если я тебе напишу, то твой **индюк** может перехватить письмо у почтальона...* (Месть).

Зоометафора может формировать контекстуальные синонимы, антонимы и основанные на них тропы, например антитезу:

*Драмы я не думаю писать. Не хочется. Виделся много раз с Потапенко. Одесский Потапенко и московский – это **ворона и орел**. Разница страшная. Он нравится мне все больше и больше* (А.С. Суворину, 11 ноября, 1983).

Третья глава «Зоометафора в дискурсе чеховской прозы» посвящена лингвотекстологическому анализу нескольких зоонимов чеховской прозы: *голубь, лошадь, осел, собака*. Выбор их мотивирован двумя обстоятельствами: 1) частотностью, 2) семантическим многообразием использования как закодированных в словаре, так и потенциальных авторских значений.

В первом параграфе «*Взаимосвязь узуальных и окказиональных анималистических семем в чеховских текстах как отражение динамизма в развитии метафорических значений*» метафора рассматривается как непрекращающийся процесс, обогащающий аксиологию новыми семемами. В языке А.П. Чехова, концептуально глубоком, полном ассоциаций, широко представлены анималистические окказионализмы. Писатель видит всю полноту изобразительных возможностей зоонима и умело использует их, обогащая словарные статьи новыми метафорическими семемами:

*Соня. Молодчина, крестненький! (Федору Ивановичу.) А слона-то и не заметила. (Целуется с ним.) Загорел, оброс... настоящий **паук!** (Леший).*

Словарь отражает переносное разговорное значение зоонима *паук*: *жестокый человек, вымогатель*. Вербальный состав чеховского предложения актуализирует оценку, связанную с внешними признаками животного. Новое, синтаксически ограниченное функцией предиката значение вполне мотивировано особенностями тела паука, что отражено в компаративных конструкциях:

*В одной избе помещается мужик, мохнатый, как **паук**, с нависшими бровями, каторжный, грязный, и с ним другой такой же мохнатый и грязный; у обоих большие семьи, а в избе, как говорится, срамota и злыдни – даже гвоздя нет* (Остров Сахалин).

Авторская семантическая зоометафора может приобретать новую в сравнении с закодированной в словаре коннотацию:

– *Трррус! Купчишка! Презренный Кит Китыч! Трррус! Заяц толстопузый* (Месть).

Ни один из словарей не кодирует для лексемы *заяц* отдельной метафорической семемы «трусливый человек», между тем данное антропонимическое значение зоонима вполне могло бы занять второе место в иерархии значений соответствующего слова, тем более что закодированное в

словаре производное значение *безбилетник* становится все менее актуальным и вполне может занять третью позицию.

Во втором параграфе «*Семантическая структура зоометафоры “голубь” в текстах А.П. Чехова*» рассматривается широкое ассоциативное поле зоонима, содержащее все новые резервы для его переосмысления, широко использованные в чеховской прозе. Метафорические имена *голубчик* – *голубушка* частотны в качестве вокативов в произведениях писателя. Они обнаруживают способность органично включаться в любой текст, актуализируя в нем разнообразные экспрессивно-семантические оттенки, которые в устной речи транслируются соответствующей интонацией. В чеховской прозе зафиксировано использование лексемы *голубчик* и в качестве обращения к незнакомому лицу. Правда, вокатив функционирует в экспрессивно окрашенной диалогической реплике – «надгробной эпитафии плача оскудевшего»:

– *Поддай, голубчик, холодненькой закуочки... Ну и... водочки...* (Добродетельный кабатчик). Но главное здесь не в жанре, а в возможности обращения к любому лицу, не связанному с адресантом какими-то отношениями.

Жанровое и ситуативное многообразие текстов показывает, что стилистическая помета зоонимов *голубчик* – *голубушка* не ограничена словарной кодификацией: ласково-фамильярное; ирон. или пренебр. Метафорические вокативы употребляются с различной коннотацией в разных по характеру диалогических репликах:

1. Ласковое приветствие: – *Здравствуй, Макарыч!* – сказала Липа, увидев Костыля. – *Здравствуй, голубчик!* (В овраге).

2. Торжественное поздравление: – *Здравствуй, Василиск Африканыч, – быстро заговорил он, подходя к юбиляру. – Поздравляю тебя, голубчик...* (Юбилей).

3. Дружеское пожелание: – *За ваше здоровье, голубчик!* – сказал он Зинаиде Федоровне и выпил рюмку водки (Рассказ неизвестного человека).

4. Дружеское прощание: *Лопухин. Ну, прощай, голубчик. Пора ехать...* (Вишневый сад).

5. Признательная благодарность: – *Спасибо, голубчик, я очень благодарен...* (Произведение искусства).

6. Оправдательно-уступительное извинение: – *Только вот что, голубчик... Ты меня извини, но я правду...!* (Водевиль).

Судя по высокой степени частотности в художественном и эпистолярном наследии, рассматриваемые обращения были уместны в любых текстах, а в наше время вполне могли бы претендовать на статус гендерных этикетных. Они выгодно отличаются от настойчиво насаждаемых вокативов *господин* – *госпожа*, освоению которых русскими людьми всегда будут препятствовать деривационные связи слов, противоречащие характеру большинства речевых ситуаций.

В прозе А.П. Чехова достаточно заметна десемантизация вокативов *голубчик* – *голубушка*, доказательством этому являются особенности

перевода обращения *голубчик* на английский язык адъективным вокативом *мой дорогой друг/ товарищ*, что подтверждает этикетный статус пары.

В третьем параграфе «Семантическая структура зоометафоры “лошадь” в текстах А.П. Чехова» обращается внимание на широкий коннотативный диапазон ее употребления. В произведениях писателя она употребляется с различной коннотацией. Метафоризации подвергается также дериват зоонима, уменьшительно-ласкательное имя *лошадка*, а также компоненты синонимической парадигмы – *жеребец, жеребчик, конь, мерин, кляча, кобыла*, доминантой которой является *лошадь*.

Зооним *лошадь* с негативной экспрессией адресуется нерасторопному, тупому человеку:

Осип. Ах ты, лошадь! Ах ты, свинопас! (Снимает с него шапку.) Смешной ты человек! Ей-богу, смешной! У тебя хоть капелька ума есть? (Безотцовщина).

В письмах к О.Л. Книппер анималистическое обращение употребляется с позитивной коннотацией:

Ну, крепко обнимаю мою лошадь и целую. Воображаю, как ты смеялась с Муратовой, когда играла в «Юлии Цезаре» (О.Л. Книппер-Чеховой, 3 ноября, 1903).

В эпистолярном жанре активно употребляется уменьшительно-ласкательный дериват зоонима – *лошадка*. Его творческое использование позволяет в границах одного синтаксического целого актуализировать различные семы анималистического имени:

Дусик мой, лошадка, обращаюсь к тебе с просьбой. Насчет одиночества я еще понимаю, допускаю, но вот насчет ненужности существования – извини, ты не лошадка, а Шарик, так же много логики (О.Л. Книппер-Чеховой, 5–6 октября, 1903). Первое употребление обнаруживает обычное, ласково-интимное обращение к жене, во втором – автор подчеркивает недюжинные умственные способности животного, отсутствующие в конкретной ситуации у жены.

Зооним *лошадка* создает многоликий образ адресата, отношение к которому закодировано, в частности, под именем животного. Читателю дается возможность его декодирования – такая попытка осуществляется в данной работе.

В четвертом параграфе «Семантическая структура зоометафоры “осел” в текстах А.П. Чехова» сравнивается словарная кодификация лексемы и ее отражение в авторских текстах. В результате дается схема семантической структуры слова со всеми его узуальными (словарными) и окказиональными значениями. В словаре кодируется переносное значение – *глупый человек* – и упоминается фразеологизм *буриданов осел* – человек, колеблющийся в выборе между двумя равносильными желаниями, решениями, направлениями и т.п.; нерешительный человек. Метафора может иметь откровенно негативную экспрессию и быть бранной, когда направлена явно не по адресу, т.е. собеседнику, у которого отсутствует оценочная мотивация глупого человека со стороны третьего лица (читателя). В этом

случае слово является, скорее, характеристикой состояния крайнего раздражения, неприязни, гнева, ярости говорящего лица:

Борцов (со злобой). Молчи! Тебя не спрашивают, осел! (На большой дороге).

Слово *осел* в прозе писателя проявляется в виде другой переносной семемы – человек, который тащит на себе непомерно тяжелое бремя забот:

Он сказал, что он старый, двухжильный осел, на котором ездят все (Три года).

Это значение не закодировано словарем, хотя вполне мотивировано в системе семантических связей слова. Известно, что зооним *ишак*, денотативно эквивалентный *ослу*, имеет переносное значение с пометой *просторечное, бранное*: об упрямом глупом человеке. В отличие от словарного толкования метафоры *осел*, в составе переносного значения *ишак* есть сема «упрямство», а производный глагол *ишачить* означает «выполнять тяжелую, неблагодарную работу». Чеховский семантический неологизм *осел*, таким образом, имеет четкую языковую основу. Он базируется 1) на парадигматической близости зоонимов *осел* и *ишак*; 2) на денотативном значении *осел* (*тягловое животное*); 3) на закодированном переносном значении (*глупый человек*); 4) на словообразовательно-деривационных связях *ишак* -> *ишачить*; 5) на синтагматических связях (*буриданов осел*).

Фразеологизм *буриданов осел* не встречается в чеховских произведениях, но, видимо, влияет на формирование его семантических неологизмов:

Осип. Осел нонче народ стал, одним словом... Все норовит исподтишка, артельно... Пакостный народ, плевый... Невежество... И обижать такой народ не жалко (Безотцовщина).

Зоометафора *осел*, кроме семы *глупый*, имеет и другие семы: отсутствие собственного мнения, склонность плыть по течению вместе со всеми, трусоватость, страх ответственности за выбор и т.п. Писатель обращается к этой метафоре и тогда, когда характеризует вовсе не глупца, но человека, совершившего непоправимый, компрометирующий его поступок:

Майков большой осел, которого били и который не стал от этого умнее (А.С. Суворину, 11 апреля, 1889).

Сема глупости исключена в данном словоупотреблении слова *осел*. Она противоречит тезаурусу А.П. Чехова, который до скандального инцидента характеризует Майкова как вполне добропорядочного, умного человека. Главной оценочной семой лексемы *осел* стал поразивший писателя лицемерный практицизм определяемого им лица. Значение основывается на втором значении, закодированном в словаре, и одновременно мотивируется фразеологически связанным значением (*буриданов осел*): Майкову не хватило мудрости для единственного, принципиально обоснованного выбора – непростительная в обществе позиция, вызвавшая иронично-злую оценку А.П. Чехова.

Анализ внутренней структуры лексемы *осел* со всеми ее языковыми и авторскими значениями, как видим, невозможен без включения в словарную статью фразеологизма с полным его толкованием (см. рис.).

В пятом параграфе «Семантическая структура зоометафоры “собака” в текстах А.П. Чехова» сопоставляется негативная коннотация зоометафоры с авторским позитивным ее употреблением. Семантический окказионализм оказывается вполне мотивированным, опираясь на закодированную в словаре положительную коннотацию, которая не стала актуальной в русском языке:

*Как он, **собака**, все это ловко! – думал он, следя за движениями пальцев фармацевта, делившего какой-то порошок на доли. – И на все ведь это нужна наука!* (Индейский петух).

Автор сумел извлечь все положительные семы из имени и создал емкие, глубокие и неоднозначные оценки, характеризующие его отношение к О.Л. Книппер. Имя животного получает новую жизнь в позитивных метафорических значениях, являясь одним из частотных обращений, не раз повторяемых в границах одного письма:

*Дусик, **собака** моя хорошая, я пишу тебе каждый день или через день, но не режсе. Ну, будь здорова, богом хранима, карапузик мой, актрисуля, **собака*** (О.Л. Книппер-Чеховой, 12 декабря, 1901).

*Милая **собака**, я жив и, насколько сие возможно в положении человека выздоравливающего, здравствую. Крепко тебя целую, крепко обнимаю. До свиданья, **собака!*** (О.Л. Книппер-Чеховой, 15 декабря, 1901).

Приведенные вокативы актуализируют новую сему, которая менее всего связана с профессиональными качествами жены, хотя известно, что она была неплохой актрисой. Допуская присутствие в зоониме самых разнообразных метафорических значений, следует признать основным его содержанием авторскую семантику, принципиально иную, чем фиксируют словари. Вокативное словоупотребление в письмах к жене получает метафорическое переосмысление на базе лучших свойств денотативного значения зоонима (преданность, доброта, неумение обижаться, счастье быть всегда рядом с хозяином и т.п.).

Весь сложный вокативный комплекс предложения передает восторженное состояние адресанта, который откровенно восхищается своей супругой, актуализируя, в частности, и ее принадлежность к нации умных, аккуратных и обязательных людей:

Дусик мой, mein lieber Hund, * собака моя любимая (нем.)*
(О.Л. Книппер-Чеховой, 4 февраля, 1902).

В письмах очевидна чистота помыслов адресанта, несколько преувеличивающего наивность своей зрелой и вполне искушенной супруги:

Пиши же, не ленись, собака моя хорошая, девочка моя великоленная...
Целую тебя и обнимаю много раз (О.Л. Книппер-Чеховой, 28 августа, 1903).

Иногда зооним приобретает свойственную чеховскому стилю двусмысленность:

Милая жена моя, дрянь, собака, отчего нет писем? (О.Л. Книппер-Чеховой, 19 марта, 1904).

Метафора *собака* воспринимается здесь как шутливо-бранная, что поддерживается оценочным антропонимом *дрянь* и даже ласковым обращением *милая жена моя*, которое влияет на общую коннотацию вокативного комплекса, представляющего собой своеобразную зевгму. В результате *собака* становится одним из важных модально-прагматических языковых средств, передающих зыбкую оценку, формирующуюся на грани позитивного окказионального и негативного узуального значений.

Явное предпочтение писателем вокативов *лошадка, собака* в эпистолярном жанре вполне объяснимо в тезаурусе всего того, что сообщает адресант о своей частной жизни, что пишут о ней другие и что знает о ней искушенный читатель.

В **заключении** диссертации подводятся итоги работы по исследованию языковой и авторской зоометафоры, приоткрывающей сложный, глубокий, часто иносказательный языковой мир А.П. Чехова, который дает мощный импульс развитию новообразований, к сожалению, не всегда знакомых широкому кругу носителей русского языка, а также намечаются перспективы исследования в избранном направлении.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

*Научные статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Минобрнауки России*

1. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Зоометафора в языковой картине мира русского и английского языков / Е.Н. Мушникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер. «Гуманитарные науки». – 2011. – № 4(20). – С. 114–120 (авт. – 0,45 п.л.).

2. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Семантическая структура зоометафоры *лошадь*: динамизм становления / Е.Н. Мушникова // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». – 2011. – Вып. 2. – С. 19–25 (авт. – 0,69 п.л.).

3. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Обращение /голубчик – голубушка/ в речевом этикете русских писателей и современные тенденции / Е.Н. Мушникова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 237–242 (авт. – 0,4 п.л.).

4. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Антропонимические парадигмы, мотивированные именами животных, в произведениях А.П. Чехова / Е.Н. Мушникова // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». – 2014. – Вып. 2. – С. 105–111 (авт. – 0,55 п.л.).

Монография

5. Нагорная, Е.Н. Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы: моногр. / Е.Н. Нагорная. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2014. – 180 с. (авт. – 8 п.л.).

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

6. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Множественность мотивации в формировании зоометафоры / Е.Н. Мушникова // Вестник ТГПИ. – Спец. вып. Сер. «Гуманитарные науки». – 2011. – № 1. – С. 52–57 (авт. – 0,55 п.л.).

7. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Особенности деривационных отношений зоонимов / Е.Н. Мушникова // Вестник ТГПИ. Сер. «Гуманитарные науки». – 2012. – № 2. – С. 42–47 (авт. – 0,6 п.л.).

8. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Доминантные анималистические вокативы в письмах А.П. Чехова к О.Л. Книппер: семантика, прагматика / Е.Н. Мушникова // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. И.В. Голубевой. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2013. – С. 88–95 (авт. – 0,44 п.л.).

9. Нагорная, Е.Н. Slang as a part of the English language / Е.Н. Нагорная // Вопросы филологии, педагогики и психологии в вузе и в школе: межвуз. сб. науч. работ преп., асп. и мол. ученых. – Таганрог: Изд-во «Нюанс», 2012. – С. 88–90 (авт. – 0,25 п.л.).

10. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Зоометафора в свете антропоцентричности языка // Пятьдесят первая научная студенческая конференция ТГПИ. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2008. – С. 180–182. (Серия «Гуманитарные науки».) (авт. – 0,25 п.л.).

11. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Зоометафора в рассказах А.П. Чехова / Е.Н. Мушникова // Чеховские чтения в Таганроге: материалы I и II Междунар. молодеж. конф. 2009–2010 / отв. ред. В.В. Кондратьева. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. – С. 36–39 (авт. – 0,35 п.л.).

12. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Инвективное функционирование зоометафоры в русском и английском языках / Е.Н. Мушникова // Актуальные вопросы современной науки: материалы VIII Междунар. науч.-

практ. конф.: сб. науч. тр. / под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. Г.Ф. Гребенщикова. – М.: Изд-во «Спутник +», 2010. – С. 359–362 (авт. – 0,1 п.л.).

13. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Зоометафора *собака* в эпистолярной прозе А.П. Чехова / Е.Н. Мушникова // Молодежные чеховские чтения в Таганроге: материалы III Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Кондратьева. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2011. – С. 126–131 (авт. – 0,31 п.л.).

14. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Метафорические дериваты зоонима *голубь* в прозе А.П. Чехова / Е.Н. Мушникова // Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова: материалы Междунар. науч. конф. «XXIV Чеховские чтения в Таганроге»–2011 / отв. ред. Л.Л. Дроботова, В.В. Кондратьева. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2012. – С. 255–262 (авт. – 0,4 п.л.).

15. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Парадигматические отношения в группе анималистических единиц (на материале произведений А.П. Чехова) / Е.Н. Мушникова // Молодежные чеховские чтения в Таганроге: материалы IV Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Кондратьева. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2013. – С. 52–55 (авт. – 0,3 п.л.).

16. Мушникова (Нагорная), Е.Н. Зоометафора в свете национальных форм мышления / Е.Н. Мушникова // В орбите А.П. Чехова: духовно-нравственный аспект: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2013. – С. 166–172 (авт. – 0,47 п.л.).

17. Мушникова, Е.Н. Языковые и речевые свойства зоонима *голубчик* (*голубушка*) в функции вокатива / Е.Н. Мушникова // Молодежные чеховские чтения в Таганроге: материалы V Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Кондратьева, В.А. Мелькумянц. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2013. – С. 94–97 (авт. – 0,3 п.л.).

18. Нагорная, Е.Н. «Попрыгунья» А.П. Чехова: семасиологические ассоциации / Е.Н. Нагорная // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: материалы Всерос. молодеж. конф. / отв. ред. д-р филол. наук, проф. И.В. Голубева. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2014. – С. 156–161 (авт. – 0,3 п.л.).

НАГОРНАЯ Елена Николаевна

ЗООМЕТАФОРА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И В ДИСКУРСЕ
ЧЕХОВСКОЙ ПРОЗЫ

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати . Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4 . Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27